

Сойма – белые паруса

Сойма

Кто на море не бывал, тот от сердца Богу не маливался.

Поговорка

Своенравно Онего. Морю подобно. Вздыбится взводнем – не взвидишь света. В гуле шторма не услышишь скрипа парусника. Можжевельным корешком, березовой вичкой шит корпус озерного кораблика. Положенные внахлест «набои» бортов – сосновые тесины – надежно и многократно просмолены. Пазы перед тем усердно проконопачены витой, туго просмоленной или пропитанной дегтем паклей из самолучшей конопляной кудели.

Гибка соемка, вынослива. Формы ее испытаны веками, оттого обладают красотой совершенства. По сути, это просто большая, вместительная лодка-«кижанка», состоящая из тех же деталей. Только удалой этот кораблик ходил под двумя, а есть сведения, что и под тремя, мачтами, как «заморская» лодия на Ледовитом океане. На гиблой онежской волне, крутой и короткой, сойма – как рыба в глубях: в своей стихии.

Стихнет ветер. Сникнут паруса. «Падет бела тишина!» – скажут заонежане. Надвинется парной морок, непроглядный туман. Тревожен «шкипарь», «корщик». Справа – клык каменистой отмени-корги. Слева, откуда ни возьмись, камень-отпрядыш. Молись, братья...

Но прочен вырубленный из корня ели форштевень – мощная кокора. Фальшкиль под матикой примет удар о луду, нанесенный течением песок. Корпус соймы – от восьми до десяти сажень в длину. Ширина от борта до борта – до трех сажень. А в сажени – чуть больше двух метров!

Заонежская сойма – острокилевое озерное судно, ходящее под парусом и на веслах. Мачты съёмные. Фок впереди, грот в середине несут широкие шпринтованные паруса. Старики говорят, на больших соймах на грот-мачту поднимали еще и прямой «летучий» марсель.

Как видим, рядом со старинной русской мореходной лексикой жили среди здешних корабелов и мореходов и слова международной навигационной терминологии.

В добрую поветерь – при попутном ветре! – пронизет волну сойма. Стечет вода по зени – палубе в шпигаты за борт. На малой же соемке и зени нет,

только каюта на корме да рундучок у форштевня. По крыше каюты постукивает правило – румпель.

Возили на соймах что придется. Постоянный груз кургеницких, например, корабелов, что живут близ знаменитых Кижей, за проливом, – шпат и барий, известь из горных разработок на Оленьем острове. Из заонежской Вегоруксы плавил в Петрозаводск уголь древесный, деготь, скипидар. Из Великой Губы – скотину, кожевенный товар, ивовую кору для дубильного производства. Памятен заонежанам трагический случай: вспыхнула у Василисина острова соемка, груженная бочками с керосином. Сгорела дотла вместе с гребцами среди воды. О том жила песня, слова ее заказали прохожему грамотею.

Строили сойму на потребу всей общины – нескольких деревень, на общий кошт. Отсюда, возможно, неслучайное созвучие ее названия со словами, древними, как мир: «суем», «сейм». Ведь они значат – общее собрание, «вече», людское сообщество!

Известны были и соймы купеческие, позже – колхозные. Знаемы эти удалые кораблики в Заонежье и на Ладоге. Помнят их и на старой Мариинке – на нынешнем Волго-Балте. Сойма, говорят, и поныне в ходу у ильменских рыбаков на Новгородчине: там это промысловое судно, большая лодка. У нас же я сойму

«живьем» уже не застал, зато беседовал всласть с корабелами, в молодости участвовавшими в постройке соймы, и со «шкипарями», водившими эти парусники по Онего-озеру.

Побывала сойма и в морских, и в океанских плаваниях.

В XI в. началось освоение Балтики русскими мореходами. Через пятьсот лет царское правительство собрало сведения о состоянии морской торговли в этом регионе. К этому времени – в 1576 г. – караваны русских купеческих судов шли по вешней «распольной» воде Волхова, Луги и Западной Двины к морю, а потом и «за свейский рубеж».

Рядом с карбасами, полукарбасами, новгородскими и тихвинскими насадами «бежали» и соймы гостей торговых из нашего Обонежья – и они упоминаются в документах времен Ивана Грозного. Поныне латыши называют гостиницы «весницами»: купцы из России, «гости торговые», слыли «весниками», «весенними», стало быть, гостями, прибывавшими, когда вскрываются и становятся полноводными реки.

В рижском Музее мореходства я разглядывал средневековые гравюры с изображением рейдов ганзейских городов. И с радостью узнавал среди стоящих судов характерный абрис онежских сойм.

В краеведческой литературе XIX в.

Братья Камкины – карабельные люди

Виктор Иванович Пулькин

Известный знаток и исследователь северного фольклора, автор многих книг, этнографических очерков и статей о носителях высоких традиций народного искусства, мастерах-корабеллах, моряках-поморах. Родился в 1941 г. в карельском селе Спасская губа, учился в Ленинградском педагогическом художественном училище и на историко-филологическом факультете Петрозаводского университета. Работал учителем рисования, художником-дизайнером, журналистом, много лет заведовал отделом народного искусства и этнографии музея «Кижь». Участник и организатор экспедиций по Русскому Северу, Уралу, Сибири, Поволжью.

Печатается с 1964 г. В Союз писателей принят в 1977 г. Награжден медалью «За гуманизм и служение России».

По «Литературной энциклопедии», Москва, 2000 г.

встречаются сведения о беспрецедентном походе заонежан на сойме... в Северную Америку! В 1834 г. наш кораблик дважды пересек океан, благополучно вернувшись на Онего.

Заонежская белопарусная лодейка – сойма – оказала неоценимую услугу фольклористике. «Шкипарь» ее угорил Павла Николаевича Рыбникова пойти с ним в Кижь, навстречу грядущему открытию «Исландии русского эпоса». Здешние корабелы и мореходы, ведомые на Руси плотники оказались еще и носителями традиций русского героического эпоса. Здесь записаны тексты, ставшие хрестоматийными.

А хозяин соймы, привезшей П. Н. Рыбникова в былинный край, еще через несколько лет срубит высокий дом, украсит его узорчьем «прибасенок» – домовой резьбы. В реставрации этого дома, первым привезенного в кижскую архитектурную коллекцию, принимал участие мой старый друг Михаил Кузьмич Мышев. Тот, кто к ремеслу древодельца приобщился еще мальцом в родной деревеньке близ Толвуи, на стапеле строящейся соймы.

Звеньшко за звеньшком издалека тянется прочная цепь традиций корабельной, плотницкой, песенной культуры нашего края. Казалось, в далеком прошлом остались паруса, компасы

«матки», песочные часы былой мореходной страды. Уже мало кто помнит, что и история православия в нашем крае связана с водными торговыми путями. Так, например, некогда известный Клименецкий монастырь близ Кижей основал сын купеческий, «прибежавший» с товарами на острокилевой сойме из Новгорода. При вхождении в Кижские шхеры он потерпел крушение и чудом спасся там, у Гарницкого маяка, пятьсот лет тому назад. Он в благодарность за чудесное спасение принял монашеский постриг и был прославлен Церковью под именем Святого Преподобного Ионы Клименецкого.

Стоило только начать расспрашивать о «старобытном» кораблике – сойме, как всюду в Заонежье – в Кижях, Толвуе, Ламбасручье и Шуньге – воспряли из забвения имена былых строителей-корабелов, шкиперов и гребцов. Заблели по всему окоему Онего легендарные паруса...

Горевые мореходы

Из рассказов старого заонежанина
Николая Германовича Семенова

Вегорукшане горячи – якоря побросали!

Присловье

Мы, здешние, и сроду мореходы. Наше Онего в лощах слывет морем. Волна в голымяни – на открытом месте – живет высокая, короткая, опасная: дыбом стоит. Недаром нас, заонежан, Великий Петр жаловал: в матросы верстал. Еще на моей памяти ходили по Онегу, синю морюшку, страховитому, гневливому плоскодонные деревянные суда под прямыми парусами, назывались «каюки». Еще попадались острокилевые домодельные соймы. Эти вроде больших лодок-кижанок. Только

под двумя мачтами, шпринтованными парусами, перехлестнутыми райно. И с косым кливером.

Петрозаводск величается: город, его Петр построил! А без нашего Заонежья тамошним мастеровым не жить. В деревне, почитай, вся родня: ее дождем не смочить, столь велика. Зимний санный путь долог и опасен. Дышит озеро через черные промоины-салмы, дымные на лютот морозе полыньи. А под парусом ли, на веслах – свычно. Знаем, по весне по нам, засельщинам-деревенщинам,

НЕКОТОРЫЕ ИЗ ПУБЛИКАЦИЙ В «КИЯ», ПОСВЯЩЕННЫЕ СЕВЕРНЫМ НАРОДНЫМ ЛОДКАМ

- Шнитников Е.Д. Карбас помора, № 90.
- Белиенко В., Брызгалов В. Карбас, № 148.
- Федосеев А. Как строят карбаса, № 172.
- Давыдов С.
Кижанку строят школьники, № 174.
- Давыдов С. Кижанка на рубеже XXI века, № 175.
- Наймарк Марк. Шитые лодки Севера, № 178.
- Наймарк Марк. Поморская шняка, шитая вицею, № 191.
- Даняев Алексей. Кижь – хранилище традиций, № 198.
- Наймарк Марк. Поморская шняка в открытом море, № 203.
- А.Д. Праздник народного флота в Кижях, № 204.

горожане соскучатся. Про то в Петрозаводске и песня жила:

*Скоро, скоро лед растает,
путь-дороженька пройдет!
Заонежские наедут – и весельице пойдет...*

Веселье-то, конечно, со всячинкой. Иной раз и с разбитой губой возвращеньше: навешают заводские.

Хорошо, нижнюю губу разнесет, будто заспесивился, дома скажут: «Экий Францыль Венециан!». Хуже, как верхнюю раздует. Мамонька руками сплещет: «Зашавел пайшук! Прямой дурачок Митраша!» А без хорошей потыки нам, корабельным людям, скушно.

Когда у нас, в старинном заонежском селе Вегоруксе, организовали колхоз «Работник», мужики на суёме-правлении в один голос порешили: наперво в хозяйстве нужна сойма! Это ведь и при единоличном бывании сообща – суёмом! – прожиточные крестьяне строили корабль. Оттого, может, он и звался соймай. На нем артельно и на рыбную ловлю выедешь, и на ярманку, и на престольный праздник, и в добры люди – в Питер, а то и в самую Ригу, за море.

Сойма дешева, своей, деревенской, работы. Судьины в Волкострове соймы шли, Тимофей Беканин, братья Степановы. Живо-живо срубили соемку. Все бы хорошо, да мужики сомневаются: «Якоря шибко дороги. Портно на паруса бабы соткут. Плотники корпус сработают – хоть не смоли. А без настоящих якорей не обойтись. Оно, конечно, можно по-старобытному –

каменище можжевельными корнями оплести, приспособить. Да ведь будто и дико – при советской-то власти старобытной снастью чертей полахать. На Онежском славном заводе сыновья, кумовья работу ломают – неужто обидят ценой? Побежали на новенькой соемке в скорое время ... аккуратно после сенокоса.

Озером, конечно, шли галсами: ветер дул переменчивый. То трубищем с Вытегры, то вдруг – рывком с Шального побережья. То взашей вон погонит – этот с Кижей оттуда, от Ионы Клименецкого. Нужен, известно, маневр, чтобы наполнить парус. Но вегорукшане подступались умеючи. Иной раз отцы под четырехугольным шпринтованным парусом чуть не против ветра бегут, как под косым! А погода разгулялась – спаси и помилуй, Никола-Угодник! Волны бьют и топят соемку со всех сторон – сувоем, сильным круговоротом вод шалит Онего.

Ну, прибежали наши старичонки в Петрозаводск, ничего. Домодельное грузило – дикое каменище – на радостях впопыхах кинули в кустышки в Осударевом саду, что у онежского приплеска цветет: «У нас литые чугунные якоря будут в скорое время». Покряхтели, правда, немного, но выложили кровные колхозные денежки: купили три здоровенных якоря с приваренными широкими лапами. На своем хребте приволокли на пристань. Сойма большая, тяжелая – колхозная! Надо для надежности и с кормы, и с форпика, и

с борта якоря стравить. Ладно. Дело сделано – на душе полегчало.

Гуляют мореходы. На набережной у нас – торговые ряды. Тут чего и не купишь. Аккурат на праздник Преображения Господня было. Рыба морская – треска, семга и палтус. Рядом – сладкая онежская ряпушка: ялгубские привозили, продавали в берестяных туясах, в асиновых бурачках. А что ягод, грибов! Калачей, баранок, пряников! Гармошки заливаются, катается народ, православны христиане, на резных конях, оленях по карусельному кругу. Наши степенны вегорукшане керосину взяли, девам – ленты, ребятишкам – суропных пряников-гороховиков. К причалу пришкандыбали – и ручища врозь: флаг на башне, штормовое предупреждение. Нельзя в Онего выходить.

– А нам дак и все нипочем! Али мы не мореходы!

– Отдай чалку!

Вышли в кураже. За Ивановскими островами побежали по волнам белые барашки, дальше – пуще. Ветер такой, што воду-землю рвет. Затопотали бородачи по тесовой палубе босыми пятками: «Еремеюшко! – кормщику-шкипарю вопят во всю голову. – Што велишь?» – «Молись Николе-Угоднику, рони паруса!» «Ташщыт!» – «Руби мачтовое дерево!» – «Все едино ташщыт!» Волочит их, жадобушек, баженых наших родителей, прямехонько в голымянное Большое Онего. А там и берегов не узиришь, там взводень лют. Волны коровищами ревут: «Ага-а-а!» «Укрепляйся, братья, – перекрестился Еремей Казистый, корабельный вож. – Цепляйся за грунт – травы за борт якоря!»

Вот они от страха, морской ужастии, и кинулись. Ухнули за бортовой порубень и один, и другой, и третий новенькие литые якоря доброй заводской работы. Толку нет – утянуло сойму «летним» – южным – ветром, спасибо, на берег выплеснуло их там, у Ватнаволока.

Все над ними смеялись потом разные приозерные народы – вепсы, пудожане да кореляне. «Вегорукшане, вы горячи! Якоря без цепей в воду побросали, аха-ха!» Гулевые головы, горевые мореходы. Было, видно, у них на Спасов день в петрозаводском городе попито, поедено, похожено в кабак (красных деvушек полюблено за деньги и за так!).

